

Федор Никитович Веселов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

f.veselov@spbu.ru

Fedor N. Veselov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. f.veselov@spbu.ru

Монгольские «пороки» в Лаврентьевской летописи: осада Владимира в 1238 году глазами древнерусских книжников

Mongolian 'Poroki' in the *Laurentian Chronicle*: the Siege of Vladimir in 1238 Through the Eyes of the Old-Russian Scribes

Среди древнейших сохранившихся редакций «Повести о нашествии Батые» самое подробное описание осады и взятия Владимира монголами содержится в тексте, дошедшем до нас в составе Лаврентьевской летописи. Однако многие фразы и целые эпизоды в этом тексте на проверку оказываются заимствованы из предшествующего летописного повествования. На основании сопоставления изучаемого текста с параллельными русскими и иноязычными источниками, данными археологии, в статье решается вопрос о правдивости сведений об осаде Владимира, приводимых в Лаврентьевской летописи, которые традиционно являются одним из основных источников для реконструкции событий монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь.

Ключевые слова: монгольские завоевания, Батый, Лаврентьевская летопись, «Повесть о нашествии Батые», Владимир, Северо-Восточная Русь

Among the oldest known versions of the *Tale of Batu's Invasion* one will find the most detailed description of the siege and capture of Vladimir by the Mongol army under Batu Khan within the *Laurentian Chronicle*. However, many phrases and even entire episodes in this version are in fact borrowed from the previous chronicle narrative. The author of the article deals with the issue of the veracity of information about the siege of Vladimir given in the *Laurentian Chronicle*, which is traditionally considered as one of the main primary sources for the reconstruction of the events of the Mongol invasion of North-East Rus'. The research is based on the comparison of the text under study with parallel Russian and foreign historical sources and archeological data as well.

Keywords: Mongol invasions, Batu Khan, *Laurentian Chronicle*, *Tale of Batu's Invasion*, Vladimir, North-East Rus'

Статья подготовлена в рамках работ по проекту РНФ № 21-18-00166.

«В субботу Мясопустную почаша [татары] (конъектура наша. — Ф. В.) на-ряжати лъсы и пороки ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыном около всего города Володимеря», — так киноварью выделено в тексте Лаврентьевской летописи начало подготовки штурма Владимира соединенным войском монгольских царевичей под командованием Батые¹. Описание боя за столицу Владимиро-Суздальского княжества самое подробное, оно занимает в летописном рассказе о нашествии без

¹ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 462.

малою четверть (747 слов) от всего объема текста (2848 слов)², даже если исключить из него эпизод с разгромом Суздаля. Сам рассказ о нашествии армий Батые на русские княжества в 1237–1240 гг. в Лаврентьевской летописи характеризуется определенной «обособленностью внутри летописного окружения», что позволяет говорить о нем как о самостоятельном произведении, включенном в погодный текст [Рудаков, с. 46–55]. Эта редакция³ «Повести о нашествии Батые» (далее — Повесть), которую условно обозначают как центрально-русскую, наравне с южнорусской⁴ и северной новгородской⁵, является одной из наиболее ранних, дошедших до нас, и вместе с указанными стала основой компилятивного рассказа в Новгородско-Софийском своде, отразившегося затем в общерусских летописях XV и XVI вв. [Прохоров, 1987].

Вопрос места и времени возникновения Повести в том виде, в котором она дошла до нашего времени в составе Лаврентьевской летописи, решался по-разному: в качестве ее источников назывались ростовские и владимирские сведения, а время возникновения трактовалось от эпохи нашествия, 1239 г. [Приселков, с. 142–145], до момента оформления самого Пушкинского списка [Прохоров, 1974; см. историографию: Рудаков, с. 49–54]. Такой значительный разброс в датировке становится особенно ощутим при использовании сведений Лаврентьевской летописи как основного источника при реконструкции событий осады и штурма Владимира в 1238 г. Тем более что сомнения в оригинальности некоторых из них появились достаточно давно. Уже И. А. Тихомиров обратил внимание на то, что летописец, повествуя о взятии Владимира, «не только описывал, что видел и слышал, но и сочинял (курсив наш. — Ф. В.) <...> беря краски для своей картины из готовых уже материалов». Источником такой «красочной палитры» Тихомиров определил запись о разорении Киева половцами в 1203 г. в той же Лаврентьевской летописи [Тихомиров, с. 242]. Согласно выводам В. Л. Комаровича, стремясь «снять тень» с владимирского князя Юрия, автор насыщал Повесть выборками не только из статьи 1203 г., но и из прочего предшествующего текста летописи: пространной нотации из статьи о половецком набеге 1093 г., Похвалы Владимиру Мономаху, повествования о князьях Борисе и Глебе, статей об Андрее Боголюбском, Всеволоде Юрьевиче, Константине Всеволодовиче [История русской литературы, с. 91–93]. Г. М. Прохоров обратил еще более пристальное внимание на творческую работу писцов (на основании кодикологического анализа

² В тех границах, в которых его текст приведен в издании «Памятники литературы Древней Руси: XIII век» (М., 1981. С. 134–141); из летописных произведений, освещающих татарское нашествие, больший объем имеет лишь повествование о битве на Калке (Там же. С. 148–161).

³ Согласно терминологии А. Ю. Бородихина, посвятившего летописному циклу повестей о нашествии Батые специальное исследование [Бородихин].

⁴ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 778–787, 794.

⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 74–77.

ученый полагал, что редактурой Повести в Лаврентьевской летописи занимался не один человек [Прохоров, 1972, с. 94–103]) и определил 13 групп заимствований на протяжении всего повествования о Батыевом нашествии, основанных как на тексте собственно Лаврентьевской, так и на текстах Радзивиловской и Московско-Академической летописей [Прохоров, 1974]. Наконец, А. А. Горский использовал феномен высокого количества заимствований в Повести Лаврентьевской летописи для иллюстрации методики анализа распределения параллельных текстов в двух источниках [Горский, с. 134–141]. Из построенной Горским «истинной» диаграммы следует, что наибольшее количество заимствований приходится как раз на первую часть Повести, где рассказывается о взятии Рязани, Москвы и Владимира, а также прочих городов «...даже и до Торжку». Несмотря на то, что выделенное киноварью в тексте предложение о подготовке штурма, с которого мы начали статью, до сих пор не отмечалось в качестве заимствования, вероятность того, что при дальнейших исследованиях литературы Древней Руси оно также окажется неоригинальным, сохраняется. Значит ли это, что все подробности монгольского штурма Владимира основаны не более чем на литературных клише? Попробуем ответить на этот вопрос, разобрав текст о взятии города в сравнении с иными источниками, связанными с монгольским походом на Северо-Восточную Русь 1237–1238 гг. При этом мы не будем останавливаться на топонимике, датах и действующих лицах, — такие конкретные сведения обычно не копируются вместе с литературным трафаретом, а наоборот, его отличают, значит, не составляют предмета для данного исследования — нас будут интересовать подробности, связанные с действиями монголов во время осады и взятия города.

«Придоша Татарове к Володимерю <...> Володимерцем не отворящимся; приѣхаша Татари к Золотым воротом, вода с собою Володимера Юрьевича, брата Всеволожа и Мстиславля...» Так начинается текст об осаде столицы Владимиро-Суздальского княжества в редакции Повести, отложившейся в составе Лаврентьевской летописи. При этом только в ней присутствует эпизод с предьявлением оборонявшимся городом заложника, княжича Владимира Юрьевича, захваченного в Москве накануне. Одновременно Ипатьевская летопись фиксирует переговоры перед началом активных военных действий под Владимиром, попытку завоевателей прибегнуть к «льсти», но заложник в них не фигурирует. Между тем заповеданная Чингис-ханом практика использования монголами заложников была широко известна; так, среди всех китайских династий, применением такого инструмента политической и военной борьбы прославилась именно монгольская Юань [Yang, pp. 512–514]. Равно и русские летописи неоднократно сообщают о монгольской «льсти», при помощи которой брались укрепленные города. В южнорусской редакции Повести монголы обманом захватили князя Юрия Рязанского, «ведоша и к Прънску», где с помощью заложника выманили княгиню и убили обоих. Можно предположить, что на успех такой же «льсти» с заложником монголы рассчитывали и под стенами Владимира. Лаврентьевская летопись передает

эмоциональные речи старших братьев Владимира Юрьевича, Всеволода и Мстислава, которые «познаста брата своего Володимеря», спешили с дружиной «умерети перед Золотыми враты», однако мудрый воевода Петр Ослядюкович «не да воли их». Благодаря этому монгольский трюк с заложником под стенами Владимира не удался.

«...а Татарове отшедше от Золотых воротъ, и объѣхаша весь градъ, и стаха станом пред Золотыми враты назрѣмъ множество вои бецислено около всего града». Осмотрев внешние укрепления города, монголы разбивают лагерь «...пред Золотыми враты». Привести какую-либо литературную аналогию такому действию осаждающих сложно, между тем оно хорошо вписывается в монгольскую практику оборудования лагерей, известную по китайским источникам. Дело в том, что к западу от Золотых ворот, в их прямой видимости, находится господствующая над окружающей местностью высота — так называемая Студеная гора (она расположена в 75 м над уровнем реки Клязьмы); по согласному мнению владимирских краеведов, именно на ее восточном склоне, «назрѣмъ» городских стен, располагался лагерь Батыя [Ильинский, с. 3, 4; Амелькин; Титова, с. 110, 111]⁶. В то же самое время про монголов известно, что «для лагеря они всегда выбирают *возвышенность* (курсив наш. — Ф. В.)»⁷.

После сообщения об установке лагеря повествование об осаде Владимира прерывается: автор (или авторы) переключается на рассказ о взятии Суздаля. При этом весь эпизод, исключая топонимы, признается литературной калькой с летописной статьи о разорении Киева половцами в 1203 г. [Прохоров, 1974, с. 79; Горский, с. 136]. Сам факт разгрома города и прилежащих монастырей, который связывают с монгольским нашествием, не вызывает сомнений [Седова, с. 100–112, 141, 143], однако новгородский летописец указывает, что это происходило уже после падения столицы княжества. С одной стороны, появление этого эпизода, перебивающего основное повествование, может быть объяснено последствиями редакторской работы по слиянию в центрально-русской Повести двух источников, ростовского и владимирского, на чем настаивал М. Д. Приселков [Приселков, с. 142, 143]. С другой стороны, захват небольших городов и разорение округа метрополии накануне ее штурма вполне вписываются в монгольскую осадную практику. Такие действия преследовали две цели: обеспечение армии продовольствием и фуражом, а также сгон местных жителей для участия в осадных работах [Храпачевский, с. 126–128]. Надо заметить, что согласно с горькими словами Повести о том, что «несть места, ни в[е]си, ни сель тацех редко, идеже не воеваша на Суздальской земли», в южной части Суздальского Ополя, в местах, находящихся ближе к Владимиру, после монгольского нашествия отмечается сокращение поселений как минимум на треть, а то и на половину от существовавших к рубежу XII–XIII вв. [Шполянский, с. 236; Макаров, Федорина,

⁶ Благодарю М. И. Давыдова (ГВСМЗ) за консультацию по топографии города Владимира.

⁷ «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. М., 2016. С. 45.

Ил. 1. Осада Владимира монголами. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. (ОР РНБ. Ф. 550. F.IV.225. Л. 318 об.)

Шполянский, с. 23]. Если их жители были угнаны для осадных работ, то тогда объяснимо и то клише, которое использовал летописец: «а что чернецъ уных, и черницъ, и поповъ, и попадии, и дьяконы, и жены ихъ, и дщери, и сыны ихъ, то все ведоша в станы своѣ». Только цели, для которых использовался захваченный «полон», у половцев в 1203 г. и у монголов в 1238 г. были разными.

Наконец, началась подготовка к штурму города: «почаша наряжати лѣсы и пороки ставиша до вечера». Упоминание в этой фразе пороков, камнеметных машин, — одно из первых в известных сегодня древнерусских источниках. Впрочем, никаких иных подробностей, касающихся того, как именно эти машины выглядели, в тексте нет. Возможно, стоит обратиться к изобразительным источникам: миниатюрам Лицевого летописного свода, которые иллюстрируют эпизоды с монгольскими пороками, использованными при осадах русских городов (ил. 1)⁸. Однако эти иллюстрации поздние. Они созданы кремлевскими изографами второй половины XVI в., ориентировавшими облик военной техники на византийские образцы, которые, в свою очередь, были основаны на позднеантичной традиции

[Веселов, с. 223–226]. Но есть и иное решение: А. Н. Кирпичников предположил, что в корне самого древнерусского слова содержится подсказка о том, как выглядел обозначаемый им предмет [Кирпичников, с. 75]. В самом деле, учитывая замеченную И. И. Срезневским родственность слов «порок» и «праца», близость к чешскому „prak“ и соответствующему глаголу „prastiti“ — метать [Срезневский, стб. 1212, 1213; см. также: Meillet,

⁸ Пространное повествование «О Батыевой рати», основанное на ранних редакциях Повести, включено в «Голицынский том» Лицевого свода (ОР РНБ. Ф. 550. F.IV.225. Л. 302–328 об.).

р. 398; Фасмер, с. 356], такое название камнемета должно указывать на его главный характерный элемент — пращу, а это полностью соотносится с теми сведениями, которыми мы располагаем относительно конструкции монгольской осадной артиллерии эпохи завоеваний.

О том, какие камнеметы были на вооружении монгольской армии к 1233 г. свидетельствует Пэн Да-я, один из участников сунских посольств ко двору хана Угэдэя: «...у камнеметов есть навесы, а у навесов — канаты. Навесы защищают людей, которые тянут за канаты <...> из остальной военной техники у них нет больше ничего, стоящего разговора»⁹. В таком описании несложно угадать тяговый требюше¹⁰, известный по многочисленным изображениям в китайском военном трактате XI в. «Уцзин Цзунъяо»¹¹. Масса снарядов и дальность их полета могли варьироваться в зависимости от того, сколько человек участвуют в напряжении рычага требюше, а траектория полета регулировалась с помощью длины стропы пращи, в которую вкладывается снаряд. В источниках приводятся данные о камнеметах, в расчеты которых входили до 250 человек, а метаемые снаряды имели массу до 60–70 кг [Huugi, s. 201; Школяр, с. 369; Science and civilization in China, pp. 216, 217]. По сочетанию простоты изготовления, неприхотливости в использовании и боевым характеристикам эти машины были одними из наиболее практичных метательных орудий Средневековья, благодаря чему они получили распространение в масштабе всего Евразийского континента. Стратегия завоевания русских княжеств, нанесение молниеносных ударов с нескольких направлений, метко охарактеризованная Т. Мэем стратегией «цунами» [May, 2015], вряд ли предполагала наличие тяжелой техники в стремительно продвигавшихся частях армии. Одни из первых «учителей» монголов в осадном деле, чжурчженни, собирали камнеметы на месте, непосредственно перед началом осады крепости [Деревянко, с. 122]. Поэтому, вероятнее всего, армию Батыя сопровождали инженеры-специалисты [May, 2007, р. 78; Храпачевский, с. 118] и разобранные машины, а возможно, только необходимые детали их механизмов, которые сложно было изготовить в полевых условиях [Храпачевский, с. 158]. Камнеметы собирались под стенами города; для черных работ по сборке, а затем натяжения веревок для производства выстрелов, в том числе и была нужна «осадная толпа», согнанная с окружающей город местности.

⁹ «Хэй да ши люэ»... С. 43.

¹⁰ Требуше — механическая артиллерийская машина, в которой для метания снаряда используется принцип рычага. Ось вращения фиксируется неподвижной конструкцией, а рычаг делится осью на два плеча: длинное, завершающееся пращей, которая метает снаряд, и короткое, на которое воздействует сила, необходимая для производства выстрела. В зависимости от того, какая сила воздействует на рычаг, мускульная или гравитация, эти машины делятся на тяговые и противовесные.

¹¹ Они воспроизводятся, в частности, в монографии С. А. Школяра [Школяр, рис. 5 на с. 61, рис. 6 на с. 62, рис. 8 на с. 66, рис. 10–13 на с. 68–71 и т. д.].

Одновременно с установкой артиллерии монголы «на ночь огородиша тыном около всего города Володимера». Установка «тына», «столпия», «острога» вокруг осаждаемого города согласно упоминается во всех ранних редакциях Повести при осадах не только столицы Владимиро-Суздальского княжества, но и Рязани, Торжка, Киева. Широкое применение монголами такой практики, для того чтобы блокировать осажденных и обезопасить себя от их вылазок, не вызывает сомнений [Храпачевский, с. 126, 127], тогда как описаний аналогичных осадных работ в русских источниках до нашествия нами не встречено.

На следующее утро начался штурм: «В неделю Мясопустную по заутрени приступиша к городу <...> и взяша град до обеда: от Золотых воротъ у святого Спаса внидоша по примету черес город, а сюде от северныхъ страны от Лыбеди ко Орининымъ воротам и к Медяным, а сюде от Клязьмы к Волжскимъ воротом, — и тако вскоре взяша Нови град». В этом отрывке данные топонимии, ставшие основой для реконструкции системы укреплений Нового города Владимира [Воронин, с. 129, 130], для нас менее важны, чем описание того, как именно монголы брали стены («город») столицы княжества. Однако предварительно стоит остановиться на том, как этот «город» выглядел. В данном случае, прекрасной иллюстрацией являются результаты продолжительных археологических раскопок на территории городища Старая Рязань. Рязань, один из крупнейших древнерусских городов первой трети XIII в. [Даркевич, Борисевич, с. 43], в 1237 г. стала первым значительным административным центром на пути монголов. Ее внешние укрепления состояли из рва, бермы, приспы и вертикальной деревоземляной стены. Ров, встречавший нападавших, был достаточно широким (до 8 м со стороны напольных укреплений Рязани); наверху рва располагалась горизонтальная площадка, берма, шириной около метра, от которой начиналась пологая приспа — насыпь, подходившая к вертикальной стене. Сами стены представляли из себя сплошную линию из связанных между собой деревянных рубленых клетей-тарасов, заполненных землей. Ширина клетей достигала 2–3 м, высота — до 3 м, наверху была оборудована боевая площадка, защищенная забороллами [Стрикалов].

Новейшие археологические исследования внешних укреплений древнерусского Владимира показывают, что их конструкция вполне соответствовала таковой в Рязани, но масштабы были значительнее. Ров имел ширину до 15–16 м при глубине до 4,3 м [Очеретина, с. 94], стены высотой до 5 м состояли из нескольких рядов рубленых клетей-тарасов, заполненных землей, перед стенами была оборудована приспа¹². Приспа, земляной откос, даже при условии преодоления рва, затрудняла маневрирование противника перед стеной и исключала возможность применения простейшей стенобитной техники [Стрикалов, с. 131]. Таким образом, поскольку быстро разрушить стену оказывалось невозможно, оставалось ее

¹² Устное сообщение С. И. Милованова (Институт археологии РАН).

только преодолевать. Для этого и должен был возводиться упомянутый летописцем «примет» — насыпь из «тына или древа». Кроме Владимира, известно, что аналогичным образом монголы брали укрепления, к примеру, Шемахи и Мансур-Куха¹³. При таком способе взятия стен установленные монголами накануне камнеметы были нужны не для того, чтобы укрепления разрушить. Их задача состояла в том, чтобы очистить боевые площадки стен, заборолла, от защитников, разбить парапеты и, таким образом, обеспечить, насколько это возможно, беспрепятственный штурм этих укреплений. Для выполнения названной задачи вполне было достаточно использовать сборные тяговые камнеметы, тем более что именно такое их применение известно и упоминается в истории средневековых осад [Уваров, с. 12; Nicolle, pp. 11, 13].

Взятие укреплений Нового города Владимира не было финальным актом драмы: монголы преследовали оборонявшихся и жителей в Печернем (среднем) городе, который, по всей видимости, уже не имел к 1230-м гг. собственных стен [Милованов], и наконец ворвались в последнее прибежище осажденных — кафедральный Успенский собор. Разгром города хронист живописует, используя уже не раз упомянутый рассказ о взятии Киева половцами в 1203 г. из Лаврентьевской и Радзивилловской летописей: «Святую Богородицу разграбиша, чудную икону одраша украшену златом и серебром и камнем драгим, и манастырѣ всѣ и иконы одраша, а иныѣ исѣкоша, а ины поимаша и кресты честныя, и ссуды свящныя, и книги одраша, и порты блаженныхъ первыхъ князии, еже бяху повѣшали в церквахъ святыхъ на память собѣ, то же все положиша собѣ в полонѣ».

Завершая рассказ о гибели Владимира, после цитаты из Писания (Пс 78. 1–3) и перечисления погибших настоятелей владимирских монастырей, летописец горестно восклицает: «от уного и до старца и сущаго младенца и та вся исѣкоша». Такой оборот характерен только для редакции Повести Лаврентьевской летописи, при этом он используется в ней не единожды (первый раз — при разгроме монголами Москвы). Близкую по смыслу фразу дважды повторяет южнорусский летописец, рассказывая о разорении Рязани и Козельска: «и не пощаде от отрочать до сосущих млеко». Литературные образцы для такого драматического акцента в повествовании, конечно, могли быть почерпнуты летописцем среди переводной древнерусской литературы, включая Писание [Галицько-Волинський літопис, с. 295, 296]. Однако археологические находки указывают на то, что, если это и была цитата, то она описывала страшную реальность. Исследования антропологического материала из найденных на территории древней Рязани, Владимира, Ярославля, Переславля-Залесского массовых захоронений, которые связывают с монгольским разгромом, показывают, что от десятой до четвертой части погребенных были детьми [Даркевич, Борисевич, с. 373–376; Энговатова, Осипов, Фараджева,

¹³ Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. 1. С. 25; *Ибн ал-Асир*. «Ал-Камил фи-т-та'рих» «Полный свод истории». Избранные отрывки. Ташкент, 2006. С. 361.

Бужилова, Гончарова; Гончарова, с. 68; Рассказова, Зейфер, Мазурок, с. 139]. Следы такой жестокости, тотального истребления жителей непокорных городов вплоть до младенцев, не являются чем-то уникальным и вполне вписываются в общую линию монгольской политики по отношению к сопротивлявшимся городам: подобные же факты отмечаются археологами на большинстве территорий Восточной и Центральной Европы, по которым прокатилась волна Великого Западного похода [Каминьская, 2017].

Летописец завершает повествование о падении столицы княжества пространной цитатой из статьи о половецком набеге 1093 г., после чего «возвращается на подлежащее» и переходит к следующему сюжету: подробному рассказу о трагической судьбе князя Юрия Всеволодовича. Мы же считаем возможным завершить наш краткий обзор сведений Лаврентьевской летописи о захвате Владимира монголами следующими соображениями. Безусловно, нет сомнений в том, что древнерусские летописцы, создавая сводные тексты, включая в сухую погодную сетку исторические сказания и повести, ориентировались на те литературные образцы, которые были доступны хронисту. Однако звучные фразы, и даже прямые цитирования источников, были только формой, «красками» из приведенного образного выражения Тихомирова, с помощью которых «живописались» реальные факты, находившие таким образом свое отражение в летописи: оказывается, что большинство описанных событий, касающихся монгольских действий при осаде Владимира, согласуется с данными параллельных исторических источников и вещественными находками.

К давно обсуждаемым сведениям, о том что монголы действительно окружали осаждаемые города тыном и использовали для осадных работ согнанное местное население, надо добавить и новые. Кажется правдоподобным известие об установке монгольского лагеря напротив города с западной стороны. Монголы использовали осадную технику, древнерусское именование которой «працями» или «пороками» как нельзя лучше описывает ее конструкцию. Эта техника при осаде Владимира не относилась к тяжелой артиллерии и могла транспортироваться или собираться из подручных материалов на месте, что, конечно, было актуально в зимнем походе через лесные и лесостепные пространства. Впрочем, учитывая характер древнерусских домонгольских укреплений Владимира, в тяжелых осадных машинах не было нужды. Конструкции городских стен лучше всего отвечал описанный способ их взятия — возведение насыпи, «примета». Наконец, массовые захоронения жертв монгольских разгромов, которые до сих пор обнаруживаются археологами, не оставляют сомнений в том, что население оказавших сопротивление городов подвергалось тотальному истреблению.

Таким образом, даже если детали текста летописи и имеют свои литературные образцы в более древних нарративах, это не является прямым доказательством их неправдивости. Стоит заметить, что обширные цитирования при описании монгольской кампании против русских княжеств характерны не только для Лаврентьевской летописи: начало статьи с опи-

санием Батыева нашествия в Новгородской I летописи совпадает с началом статьи 1068 г. из Повести временных лет о нашествии половцев, а ее пространное завершение прямо цитирует Поучение о казнях Божиих из той же статьи [Кучкин, с. 24]; «Побоище Батыево» в Ипатьевской летописи во многом оказывается основано на сюжетах переводной «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия [Толочко]. Учитывая масштаб и последствия монгольского завоевания Руси, вряд ли этот феномен можно объяснить только лишь литературными упражнениями средневековых летописцев, однако поиск их мотивов выходит за рамки задач, поставленных в данной статье, и требует специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Амелькин А. О. На Студеной горе поныне живы древние источники // Записки владимирских краеведов. Владимир, 2000. Вып. 4. С. 58–60.
- Бородихин А. Ю. Цикл повестей о нашествии Батые в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1989. 20 с.
- Веселов Ф. Н. Гроза с востока: нашествие Бату в европейской средневековой книжной миниатюре // Восток (Oriens). 2022. № 1. С. 217–229. DOI <http://dx.doi.org/10.31857/s086919080016451-3>
- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков: в 2 т. М., 1961. Т. 1. 583 с.
- Галицько-Волинський літопис: текстологія. Київ, 2020. 929 с.
- Горский А. А. Тогда вступи князь в златое стремя...: личности и тексты Русского Средневековья. М., 2018. 251, [2] с.
- Гончарова Н. Н. Анализ антропологического материала из захоронения на ул. Златовратского в городе Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. М., 2015. Вып. 5. С. 67–73.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. 445, [3] с.
- Деревянко Е. И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск, 1987. 224, [2] с.
- Ильинский П. В. Улица «Ременьники» в городе Владимире // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1917. Кн. 17. [Отд. 1]. С. 1–5 (третьего счета).
- История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. 531 с.
- Каминьская М. Массовые захоронения времён монгольского нашествия в Центрально-Восточной Европе // Colloquia Rossica. Series I. Vol. 7. Krakow, 2017. Pp. 221–232.
- Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. 104 с.
- Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X — нач. XX в.: Сборник научных трудов. М., 1990. [Вып. 1]. С. 15–69.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В. Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополье: проблемы преемственности // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. М., 2017. Вып. 8. С. 7–25. DOI <https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-265-0.7-25>
- Милованов С. И. История сложения оборонительного комплекса центральной части города Владимира (к вопросу о топографии оборонительных укреплений) // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. 2016. Вып. 6. С. 136–149.
- Очеретина С. В. К вопросу об оборонительных сооружениях древнего Владимира: исследование рва «Нового города» в 2017 году // Археология Владимиро-Суздальской земли:

Ф. Н. ВЕСЕЛОВ

- материалы научного семинара. М., 2019. Вып. 9. С. 90–96. DOI <https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-304-6.90-96>
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. 325 с.
- Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С. 77–98.
- Прохоров Г. М.* Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4. С. 77–104.
- Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 363–365.
- Рассказова А. В., Зейфер В. А., Мазурок О. И.* Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 138–150. DOI <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-11>
- Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. М., 2014. 265, [5] с.
- Седова М. В.* Суздаль в X–XV веках. М., 1997. 235, [1] с.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. СПб., 1902. Т. 2. 15, [4] с., 1802 стб.
- Стрикалов И. Ю.* Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М., 2011. Вып. 7. С. 109–132.
- Титова В. И.* Владимир в волшебном зеркале топонимии: история города в названиях его улиц, переулков, площадей и др. Владимир, 2012. 231 с.
- Тихомиров И. А.* О Лаврентьевской летописи // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1884. Ч. 235. Октябрь. Отд. [2]. С. 239–270.
- Толочко А. П.* Взятие Киева монголами: источники летописного описания // *Paleoslavica*. 2014. Vol. 22. No. 2. Pp. 101–118.
- Уваров Д. [И.]* Западноевропейские средневековые метательные машины // Военно-исторический журнал «Воин». 2002. № 10. С. 6–17.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. М., 1987. Т. 3. 830, [1] с.
- Храпачевский Р. П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011. 260 с.
- Школяр С. А.* Китайская доогнестрельная артиллерия: (Материалы и исследования). М., 1980. 405 с.
- Шполянский С. В.* Суздальское Ополе до и после монгольского нашествия: преемственность и трансформации в материальной культуре сельского населения во 2-й половине XII — 1-й половине XV вв. // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе: сборник научных статей: в 3 т. Барнаул, 2017. Т. 2. С. 234–238.
- Энговатова А. В., Осипов Д. О., Фараджева Н. Н., Бужилова А. П., Гончарова Н. Н.* Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // Российская археология. 2009. № 2. С. 68–78.
- Huuri K.* Zur Geschichte des mittelalterlichen Geschützwesens aus orientalischen Quellen. Helsingforsiae, 1941. [4], 261 s.
- May T.* The Mongol Art of War and the Tsunami Strategy // Золотоордынская цивилизация. 2015. Вып. 8. С. 31–37.

- May T.* The Mongol Art of War: Chinggis Khan and the Mongol Military System. Barnsley, 2007. XIII, 214 p.
- Meillet A.* Études sur l'étymologie & le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1905. Pt. 2. P. [2], 195–511.
- Science and Civilization in China. Cambridge, 1994. Vol. 5. Pt. 6. XXVIII, 601 p.
- Nicolle D.* Medieval siege weapons. [Vol.] 2. Oxford, 2003. 48 p.
- Yang L.* Hostages in Chinese History // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1952. Vol. 15. No. 3/4. Pp. 507–521.